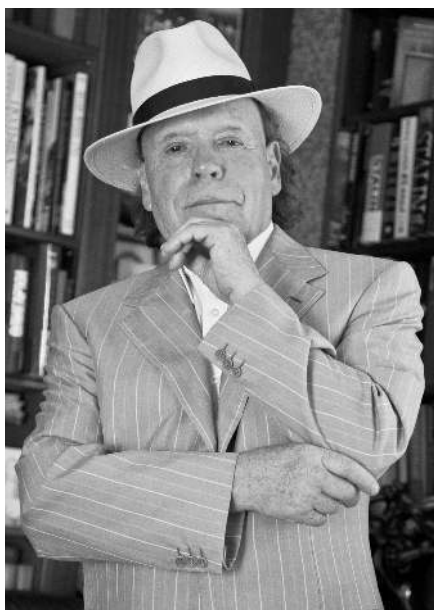

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Над созданием коллекции работали:

Вересов Сергей,
Гаврилова Мария,
Гапанович Ольга,
Курганова Юлия,
Мишина Вера,
Моисеева Валентина,
Никитин Александр,
Овчаренко Екатерина,
Прокофьева Елена,
Прокофьева Светлана,
Татаринов Виктор,
Урядина Юлия,
Хрусталева Елена

Эдвард Радзинский родился 23 сентября 1936 года в Москве, в семье драматурга Станислава Радзинского. Он окончил Московский историко-архивный институт.

Успех пришел к Радзинскому после того, как Анатолий Эфрос поставил в Театре имени Ленинского Комсомола его пьесу «104 страницы про любовь». По этой же пьесе был поставлен знаменитый фильм «Ещё раз про любовь» с Татьяной Дорониной и Александром Лазаревым в главных ролях. Его пьесы ставили в театрах СССР и за рубежом.

На протяжении многих лет Эдвард Станиславович не оставлял исследование самых сложных и трагических периодов русской истории. Из-под его пера выходят книги посвященные Сталину, Распутину, Николаю II, Александру II. Все они были переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, греческий, датский, польский, финский, шведский, иврит и другие языки, и становятся мировыми бестселлерами.

Над эпической трилогией «Апокалипсис от Кобы», увидевшей свет в 2012 году, Эдвард Станиславович работал в течение десяти лет. Книга посвящена разгадке самой кровавой фигуры советской истории – Иосифа Сталина.

Последний роман Радзинского «Князь. Записки стукача», вышедший в свет в 2013 году, поднимает и поныне актуальные для России вопросы тирании и терроризма.

Эдвард Радзинский

**Николай II.
Ипатьевская
НОЧЬ**

**Москва
АСТ**

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Р15

Радзинский Э.С.

Р15 Николай П. Ипатьевская ночь/ Эдвард Радзинский. – Москва: АСТ, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-17-089537-3 (АиФ.Исторический роман)

ISBN 978-5-17-089541-0

Я начал читать...Это был шок, чудовищная ночь 17 июля, расстрел, двухдневная возня с трупами были обстоятельно и бесстрастно изложены. Документ не был подписан, но одна из машинописных копий была выправлена от руки. И в конце документа (также от руки) был приписан страшный адрес – место могилы, где после расстрела были тайно захоронены трупы царской семьи.

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089537-3 (АиФ.Исторический роман)

ISBN 978-5-17-089541-0

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-089537-3

ISBN 978-5-17-089541-0

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПОСЛЕДНИЙ ДОМ	7
Декорация финала	12
Последняя игра (уральский дневник арестанта)	14
«Дышал воздухом в открытую форточку»	18
Караулы	22
«И в ту весну Христос не воскресал»	25
Исход из Тобольска	38
Банальная история	40
Екатеринбург	42
Конец царской свиты	44
Они	50
Первая попытка убийства	56
Глава 2. ПОБЕГ	74
Окончание последней игры	74
«Ждите свистка к полуночи — это и будет сигналом»	78
Тайна заговора («специальное задание»)	85
Кто играл?	91
Москва, июль 1918 года	93
О чем договорился с московкой Голошекин?	98
Телеграмма	100
Двое старых друзей	103
«Условленный с Москвой...»	106
Глава 3. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К УБИЙСТВУ	112
Две последние недели	112
«Я умер, но еще не похоронен» (последнее письмо)	118
Исчезнувшее постановление о казни	122
«Вестей извне никаких не имеем»	126
Последние три дня	127
Заботливый комендант	129
Последний день	134
Механизм расстрела	135
Перед Апокалипсисом	136
Был ли ответ Ленина?	137
17 Июля. Утро в ипатьевском доме	144
Последующие дни (хроника)	150

Глава 4. РАССЛЕДОВАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ	156
Действующие лица: Соколов	162
Первые свидетельства	165
Показания арестованных	173
Но... (Воскресение убиенных)	183
«Вещественные доказательства — орудие казни...»	188
«Записка» Юровского	195
«Бирнэмский лес...»	197
Новые очевидцы Апокалипсиса	199
«Истребление Романовых»: хроника ипатьевской ночи.	203
Команда	209
Фоторасстрел	214
Последние слова последнего царя	217
Глава 5. ГОСТЬ	230
Грузовик с трупами	250
Тайная могила.	260
Была ли эта могила?	263
«Харон»	267
Секрет двоих	270
ЭПИЛОГ	292
Судьбы участников расстрела Лукоянов	292
Юровский	293
Белобородов	294
Голощекин и к°	297
Команда уходит.	298
И все-таки, кто убил последнего царя? (Конец одной борьбы)	304
И опять — тайны?	308

ИПАТЬЕВСКАЯ НОЧЬ

*Истинно, истинно говорю вам:
если пшеничное зерно, пав в землю,
не умрет, то останется одно; а если
умрет, то принесет много плода*

Иоанн 12:24

Глава 1. ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

Над городом на самом высоком холме возвышалась (возносились) Вознесенская церковь. Рядом с церковью несколько домов образовали Вознесенскую площадь.

Один из них стоял прямо против церкви: приземистый, белый, с толстыми стенами и каменной резьбой по всему фасаду. Лицом — приземистым фасадом — дом был обращен к проспекту и храму, а толстым боком спускался по косогору вдоль глухого Вознесенского переулочка. И здесь окна первого, по-

луподвального этажа с трудом выглядывали из-под земли.

Одно из этих полуподвальных окон было между двумя деревьями. Это и было окно той самой комнаты...

Но, подъезжая к дому, они ничего этого не увидели. Дом был почти до крыши закрыт очень высоким забором. Чуть-чуть выглядывала лишь верхняя часть окон второго этажа.

Вокруг дома стояла охрана.

Прежнему хозяину дома, инженеру Ипатьеву, не повезло. Один из влиятельнейших членов Совета, Петр Войков, был сыном горного инженера, хорошо знал Ипатьева и не раз бывал в этом доме с толстыми стенами, очень удобно расположенном (удобно, чтобы охранять).

Вот почему в самом конце апреля несчастного инженера пригласили в Совдеп и приказали в 24 часа освободить особняк. Впрочем, особняк обещали «вскоре вернуть» (инженер Ипатьев тогда не понял, как страшно звучала эта фраза). Всю мебель велели оставить на своих местах, а вещи снести в кладовую.

Цементная кладовая находилась на первом этаже, как раз рядом с той полуподвальной комнатой — комнатой убийства.

Оба мотора проехали вдоль забора к тесовым воротам.

Они раскрылись — и моторы впустили внутрь. Более никогда ни Николай, ни Аликс, ни их дочь не выйдут за эти ворота.

По мощеному двору их провели в дом. В прихожей — деревянная резная лестница поднималась на второй этаж.

Стоя у лестницы, Белобородов объявил: «По постановлению ВЦИК бывший царь Николай Романов и его семья переходят в ведение Уралсовета и будут впредь находиться в Екатеринбурге на положении арестованных. Вплоть до суда. Комендантом дома назначается товарищ Авдеев, все просьбы и жалобы через коменданта — в Уралисполком».

После чего оба уральских вождя — Голощекин и Белобородов — отбыли на моторах, а Семье было предложено в сопровождении коменданта и Дидковского осмотреть их новое жильё.

Из дневника Николая: «Мало-помалу подъехали наши, и также вещи, но Валю не впустили...»

Да, вещи приехали. С ними Боткин и «люди». Но не приехал Долгоруков. Бедного Валю увезли прямо с вокзала. Куда-то...

Впоследствии распространился слух, что у князя Долгорукова нашли целых два (!) пистолета и много тысяч денег. Об этом сообщили в Тобольске вернувшиеся стрелки «старой охраны». Зачем Долгорукову были пистолеты? Но так или иначе, Николай больше не увидит Валю — князь исчез навсегда.

Впрочем, его след можно найти в показаниях князя Георгия Львова, данных в Париже следователю Соколову.

Опять насмешка истории: князь Львов — премьер Временного правительства, свергнувшего и арестовавшего последнего царя... сам был арестован большевиками после Октябрьского переворота! Более того, в 1918 году князь Львов сидел в тюрьме в том же городе Екатеринбург и весьма недалеко от дома, который был тюрьмой для арестованного им год назад царя. И бывший премьер описывает встречу с сидевшим в той же тюрьме своим петербургским знакомцем, князем Долгоруковым. В тюрьме верный Валя все сокрушался о царских деньгах, отнятых у него «комиссарами». Впрочем, сокрушался он недолго, ибо вскоре был «отправлен в Москву». А на самом деле...

Из рассказа М.Медведева, сына чекиста — участника расстрела Царской Семьи: «Долгорукова расстрелял молодой чекист Григорий Никулин. Никулин сам говорил. Я уж не помню все подробности, помню, что он вывез Долгорукова с чемоданами в поле... и все проклял, когда после тащил эти чемоданы».

Так погиб этот очарователь, галантный кавалер на блестящих балах в Зимнем дворце...

Из дневника Николая: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города, и, наконец, просторная зала с арками вместо дверей.

Разместились следующим образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне. Уборная общая. В столовой Демидова, в зале Боткин, Чемодуров и Седнев. Чтобы идти в ванную и ватерклозет, нужно проходить мимо часового. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженьях от окон: там стояла цепь часовых и в садике тоже».

Здесь развернется последнее действие драмы. Финал династии.

ДЕКОРАЦИЯ ФИНАЛА

Царь с царицей будут жить в угловой просторной комнате с четырьмя окнами. Два окна выходят на Вознесенский проспект. Только крест над колокольной виден из окон. Два других окна выходят в глухой Вознесенский переулок. Комната очень светлая, с палевыми обоями, с волнообразным фризом из блеклых цветов.

На полу ковер, стол с зеленым сукном, бронзовая лампа с самодельным абажуром, ломберный столик, между окон этажерка, куда она поставит свои книги. Две кровати (на одной из них будет спать Алексей, когда его привезут из Тобольска) и кушетка.

Ее туалетный столик с зеркалом и двумя электрическими лампами по бокам. На столе — баночка с кольдекремом и надпись «Придворная Его Величества аптека». Странно сейчас звучала эта надпись.

Умывальник с треснутой мраморной доской, платяной шкаф, где теперь помещалась вся одежда царя и царицы...

В Вознесенский переулок выходили окна еще одной большой пустой комнаты, там стояли стол, стулья и огромное трюмо. В

этой комнате будут жить четыре великих княжны. Они приедут в мае. И, пока не привезут их походные кровати, будут спать на матрасах прямо на полу.

Обе эти комнаты как раз находились прямо над той полуподвальной комнатой.

Рядом с комнатой великих княжон в столовой с видом на сад спала Анна Демидова. В большой зале (гостиной) — Боткин, Чемодуров и Седнев.

Еще одна, пока запечатанная комната предназначалась для Алексея.

Наискосок от великих княжон — комната коменданта, с финиковыми обоями в золотой багетной раме и головой убитого оленя. И еще одна — рядом с комендантской — отведена под караул.

Завершала декорацию уборная («ватер-клозет» — как именовал ее царь). Фаянсовое судно, оставшееся от инженера Ипатьева, будет загажено комендантом и караульными. И среди бесстыдных рисунков на стенах уборной, изображавших царицу и Распутина, среди матерных изречений охраны и размышлений типа: «Писал и сам не знаю зачем, а вы, незнакомые, читайте» — надпись на бумаге, приколотая к стене: «Убедительно

просят оставлять стул таким же чистым, как его занимали». Это совместное творчество бывшего царя и его лейб-медика Боткина.

Войдя в комнату, Аликс подошла к правому окну, на косяке начертила карандашом свой любимый знак — «свастику» и число прибытия: 17(30).

Другую «свастику», как заклинание, она начертила прямо на обоях над кроватью, где должен был спать Бэби.

17(30) апреля — так, сама того не зная, она обозначила начало последней Игры с последним царем.

Игра началась сразу.

ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА **(Уральский дневник арестанта)**

Прибывшие вещи вынесли в коридор и в присутствии бывшего воспитанника Кадетского корпуса, а ныне члена Уралисполкома Дидковского и бывшего слесаря, а ныне комманданта Авдеева начался осмотр.

Открывали чемоданы, тщательно просматривали. Осмотрели ручной саквояж Аликс. Забрали фотоаппарат (это запомним!), кото-

рый она привезла еще из Царского, и еще забрали, как напишет комендант Авдеев в своих «Воспоминаниях», — «подробный план города Екатеринбурга». Как он мог очутиться в ее саквояже, если они предполагали, что едут в Москву? Впрочем, даже если и не мог — то должен был там очутиться. Как два пистолета, которые «нашлись» у князя Долгорукова.

Открыли даже флаконы с лекарствами — перерыли всю ее походную аптечку.

Из дневника: «17(30) апреля. Осмотр вещей был подобен таможенному: такой строгий, вплоть до последнего пузырька аптечки Аликс. Это меня взорвало и я резко высказал свое мнение комиссару...»

Аликс не понимает причины этого обыска. Она нервничает, возмущается: «Истефательство!» Ее акцент вызывает улыбки обыскивающих: смешон бессильный гнев бывшей императрицы. А она продолжает гневный монолог, она вспоминает даже «хосподина Керенского». Она приводит в пример этого революционера, который, тем не менее, был джентльмен. Слово «джентльмен» очень веселит бывшего слесаря Авдеева... И, наконец, не выдержал Николай. Он